

Сергей Алексеевич Первушин

Сергей Алексеевич Первушин (1888–1966) — российский и советский экономист, статистик, социолог. Родился в 1888 г. В 1906 г. окончил 5-ю Московскую гимназию с золотой медалью. Затем учился в Московском университете и получил в 1910 г. диплом I степени по экономическому отделению юридического факультета. По окончании университета С. А. Первушин был оставлен при кафедре политической экономии и статистики для подготовки к научной деятельности. В 1913 г. он занял должность приват-доцента Московского университета, а в 1918 г. — профессора. В 1919–1921 гг. С. П. Первушин работал в качестве заведующего научным отделом библиотеки Румянцевского музея. В 1920-е гг. преподавал в МГУ на кафедре политической экономии и статистики, был профессором кафедры политической экономии и статистики юридического факультета (1918–1919), профессором кафедры экономической статистики (1921–1925) факультета общественных наук Московского университета. Он преподавал также в Институте народного хозяйства. В первые послереволюционные годы Сергей Алексеевич возглавил подраздел индексов и цен ЦСУ. На протяжении восьми лет (1922–1930) он был заместителем председателя секции конъюнктуры Госплана СССР. В начале 1930-х гг. С. А. Первушин был осужден на пять лет. После возвращения из ссылки в Казахстан он стал заниматься исследованиями экономических проблем добычи цветных металлов и цветной металлургии и защитил диссертацию кандидата геолого-минералогических наук в Казанском государственном университете. В этой новой для него области науки, в которой он затем проработал более 30 лет, Сергей Алексеевич вскоре стал авторитетным специалистом-экономистом и защитил докторскую диссертацию. С 1945 по 1962 г. он возглавлял кафедру экономики промышленности Московского института цветных металлов и золота. В 1960 г. С. А. Первушин был удостоен звания Заслуженного деятеля науки РСФСР. Круг научных интересов С. А. Первушина был очень широк и включал теорию статистического метода, конъюнктурные обзоры, бюджетные исследования, проблемы экономической динамики, исследования в области экономики цветной металлургии.

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНЫХ СДВИГАХ В 1922 ГОДУ^{1, 2}

Истекший тысяча девятьсот двадцать второй год справедливо может быть назван годом новой революции цен. Давая такую характеристику этого года, мы имеем в виду вовсе не темп повышения общего уровня цен, сильно возросший по сравнению с предшествующим годом³. Мы называем его годом новой рево-

¹ Источник: Экономический бюллетень Конъюнктурного института. — М.: Издание Наркомфина, № 3 (18). Март. А. Общие статьи. С. 5–11.

² Из докладов автора, прочитанных в Институте экономических исследований Н.К. Ф. 9 и 16-го февраля с.г.

³ См.: Первушин С. А. Динамика цен в 1921–1922 годах. (Первый год новой экономической политики) // Вестник статистики. 1923. Кн. 1.

люции цен в силу того резкого сдвига в соотношениях уровней цен отдельных групп товаров, который произошел за этот год и уже сейчас имеет большие экономические последствия, в виде хотя бы развивающегося торгового застоя. Москва, как показывает опыт прошлого года, обычно поздно вступающая в полосу сезонной весенней (февраль, март) депрессии, еще до сих пор находится в стадии некоторого сравнительного торгового оживления.

Однако в большей части провинций торговый застой уже дает о себе знать. Явственно обнаруживаются три центра, откуда эта депрессия расползается: юго-восток, в частности, нижнее Приволжье (с центром в Царицыне), средне-черноземный центр (Воронеж, Пенза) и северо-западный центр (Псков). Сведения с Украины отрывочны и неопределенны, но и там, по-видимому, депрессия уже чувствуется. Жалобы на отсутствие спроса на индустриальные изделия идут с севера¹. Это несколько преждевременное (январь) проявление сезонной депрессии, несомненно, должно быть поставлено в связь с происшедшими ценностными смещениями истекшего года. С точки зрения массового потребления эти смещения могут быть охарактеризованы как обесценение продовольственных продуктов (конкретно: хлеба) в отношении непродовольственных предметов широкого потребления (ситец) и предметов сбережения и накопления (золото, доллар). С точки зрения народного производства — это есть понижение цен на сельскохозяйственные продукты в отношении продуктов промышленного производства (индустрии).

В первом смысле истекший год резко распадается на три равных части: с января по начало мая, с мая по начало сентября и, третий период, с начала октября по начало января 1923 год[а]. Эти смещения вполне подчинены закону динамики² массового потребления: грубо говоря, соотношения цен изменяются «по Энгелю» в новейшей формулировке этого закона. В первый голодный период ситец и золото обесцениваются в муке. Если 1 января 1922 год[а] за 1 арш[ин] ситца дают 4 ф. муки, то 1 мая того же года — лишь 1,68 фунтов, цена 1 ф. муки в золотых копейках за тот же срок повышается с 5,4 коп. до 7,2 и даже 8 коп. (конец апреля — начало мая). Во второй период — облегчения продовольственного положения, население, закупившее хлеб в период хлебной паники по расчету до нового урожая, теперь бросает освободившиеся немного средства на закупку обуви и одежды, и п[е]ред нами новое смещение второй трети 1922 г.; хлеб и золото обесцениваются в отношении ситца: за 1 арш[ин] ситца дают в сентябре 6,5–7,4 фунт. муки против 1,68 ф. в начале мая. В золотых копейках цена 1 арш[ина] ситца повышается с 13,4 коп. (1/V) до 34,3 коп. на 1 сентября. За пару сапог дают 650 ф. (16 пуд.) муки в начале сентября против 133 ф. (3–3½ пуд.) в начале мая. За 1 ф. мыла — 9,75 фунт. муки (1/IX) против 3,20 ф. на 1 мая. В третий период (сентябрь — декабрь) — период нового хорошего урожая и сезонного понижения цен на продовольствие, — период дальнейшего улучшения экономического положения насе-

¹ Из Кологривского уезда Костромской губ. сообщают, что крестьяне на базарах не только ничего не покупают, но уже начали сами выбрасывать на рынок «ткани и тряпье».

² См.: *Первушин С. А.* Очерки по теории массового потребления. Очерк III. Шкала эластичности, 1922.

ления, хлеб и ситец обесцениваются в золоте, которое с первых чисел сентября стремительно повышается сначала в пограничных центрах (Петроград, Псков, Минск, Одесса), затем в Москве (11 сентября), наконец, в остальной России (Рыбинск, Кострома, Вятка, Курск, Орел, Саратов, Симбирск, Казань). В провинции подъем цен на золото начинается несколько позднее, но зато в силу гораздо меньшей эластичности провинциальных рынков проявляется в еще более резкой, чем в Москве, форме. Цена ситца в золотых копейках падает с 34,3 (1/IX) до 24,7 копеек (нал; 1/I 1923 года), муки — с 6 коп. (1/IX) до 1,8 коп. (1/I 1923 года). Объяснение причин этого рода сдвигов нами даны подробно в другом месте¹. Задача настоящей статьи — осветить вопрос о ценностных смещениях двух основных групп товаров: продуктов сельского хозяйства и промышленных изделий. Различные индексы цен, несмотря на большие различия в самом «наборе» товаров и в методах их разработки, в общем совпадают по своим итогам². Цены на сельскохозяйственные продукты, которые в течение ряда лет революционного периода стояли значительно выше общего уровня цен (см. рисунок³ № 1 и таблицу), с второй трети 1922 г. обнаруживают ярко выраженную тенденцию к относительному понижению и резко падают в последнюю треть этого года. Точка пересечения приходится на конец августа — начало сентября. Всероссийский Оптовый индекс Госплана, начинающийся с 1 августа прошлого года и дающий сведения по коротким декадным (а теперь даже и по трехдневным) срокам, точно определяет эту точку пересечения уровней цен двух изучаемых нами групп товаров на 11-ое сентября. Эта своего рода замечательная точка в истории русских цен (точка «осеннего» равновесия), когда полностью восстановилось довоенное соотношение уровней цен на сельскохозяйственные и промышленные продукты, — любопытна еще в другом отношении: на этот день приходится первый стремительный скачок цены 10-рублевого золотого, спокойно остававшегося на одном уровне в течение ряда месяцев; и десятирублевый золотой нервно стремится к довоенному уровню и почти достигает его.

Только что отмеченное равновесие продолжается, однако, недолго. Под внешней картиной относительной стабилизации цен в летние месяцы, которую мы объяснили, как преимущественно сезонную стабилизацию в отличие от взглядов Н. Д. Кондратьева⁴, в сущности уже зарождался, происходил и с нарастающей быстротой развивался процесс резкого ценностного сдвига. Рисунки № 2 и 3, а также прилагаемые таблицы наглядно рисуют картину этого весьма интересного, как для теоретиков, так и для практиков, явления.

¹ См.: *Первушин С. А.* Хлеб, ситец и золото // *Московская промышленность.* Изд[ание] МСНХ. 1923. № 2–3.

² См. мою статью в Бюллетене Централь[ого] Статистического Управления. № 70.

³ В оригинале речь идет о «диаграммах», они везде заменены на «рисунки».

⁴ См. [статью] проф. Н. Д. Кондратьев[а] (*Экономический Бюллетень.* № 4–5). [См. в наст. изд. — *Прим. науч. ред.*]

Отношение общего уровня цен сельскохозяйственных продуктов и промышленных изделий к общему уровню цен (принятому за единицу) в 1922 году.

(По данным индекса Конъюнктурного института¹ по 98 продуктам по бюджетному индексу Статистики Труда² и по индексу Госплана.)

Месяцы	Московский] Бол[ьшой] индекс Конъюнктурного] Инст[итута] (средн. месячн.)	Всероссийский индекс Статистики Труда (средн. мес.)		Всероссийский индекс Госплана		
	Сельско- хозяйствен- ные продук- ты (продов.)	Промыш- ленные продукты (непродов)	Сельско- хозяйствен- ные продук- ты (продов.)	Промыш- ленные продукты (непродов.)	Сельско- хозяйствен- ные продук- ты (продов.)	Промыш- ленные продукты (непродов.)
Январь	1,17	0,80	1,04	0,94	—	—
Февраль	1,18	0,80	1,05	0,88	—	—
Март	1,19	0,73	1,08	0,82	—	—
Апрель	1,18	0,79	1,20	0,86	—	—
Май	1,21	0,76	1,16	0,94	—	—
Июнь	1,12	0,87	1,02	0,95	—	—
Июль	1,07	0,92	1,00	0,97	—	—
Август	1,06	0,93	0,95	1,06	1,10	0,90
Сентябрь	0,997	1,003	0,90	1,20	0,99	1,01
Октябрь	0,96	1,04	0,84	1,32	0,92	1,09
Ноябрь	0,90	1,11	0,81	1,38	0,88	1,16
Декабрь	0,88	1,14	0,79	1,42	0,83	1,21

Отношение цен товаров к цене одного фунта ржаной муки в Москве.

(Число фунтов ржаной муки, эквивалентных единице других товаров.)

	Сахар раф. (1 фунт)	Соль (1 фунт)	Мыло (1 фунт)	Спички (1 короб- ка)	Керосин (1 фунт)	Ситец (1 арш(ин)	Сапоги (1 пара)
Среднее за 1913 г. (!)	4,33 (!)	0,33	5,0	0,33	1,67	4,33 (!)	283,02
1 января 1922 г.	11,55	1,01	3,0	0,23	1,24	4,00	140,84
1 мая 1922 г.	5,07	0,33	3,2	0,09	0,36	1,68	133,33
2 сентября 1922 г.	14,24	0,87	9,72	0,26	1,08	6,42	648,75
1 января 1923 г.	22,8 (!)	1,76	10,0	0,81	2,50	16,2 (!)	662

¹ Данные Конъюнктурного института дают группировку общего индекса на продовольственные и непродовольственные продукты. Однако фактически эта группировка близко совпадает с нашим делением.

² Так как индекс Статистики Труда (см.: Статистика Труда. 1923. № 2) приводится на 1-ое число месяца, то средние месячные мной получены путем суммирования индексов на 1-ое число данного и следующего месяца и деления суммы пополам. Индекс Статистики Труда взвешенный.

Как видно, среднее место занимают коэффициенты соотношений уровней цен сельскохозяйственных и промышленных продуктов, исчисленные Отделом по организации хозяйственного расчета Госплана. Эти коэффициенты и представляются нам наиболее вероятными. Во всяком случае, каковы бы ни были сомнения относительно точности наших измерений амплитуды колебаний (они, конечно, грубы, как и самые индексы, на которых эти измерения основаны), однако, самое явление бесспорно (это действительно реальный факт, а не оптический обман «кабинетных» статистиков и экономистов); он может быть проверен и другим путем.

Приведенные цифры относятся к Москве, в провинции «сдвиги» цен в том же направлении еще гораздо резче; так, в северо-восточных губерниях, нередко, за 1 аршин ситца дают 25–30 фунтов муки, были случаи обмена 1[-го] пуд[а] за аршин (Нижегородская губерния¹).

В этом явлении, по крайней мере, в первой фазе его развития (с мая по октябрь) нельзя видеть чего-либо ненормального: в начале это был вполне здоровый процесс восстановления нормальных эквивалентов, тесно связанный с некоторой ликвидацией голода, с хорошими видами на новый урожай (впоследствии — с хорошим урожаем), с переходом промышленности на хозяйственный расчет² и общим улучшением хозяйственного положения страны; и лишь с ноября он принял ненормальное развитие и формы: ценностные сдвиги приняли характер, несомненно, патологического явления.

Внимательный анализ развития этого явления показывает, что его причины нельзя искать в какой-либо одной области, что оно является следствием целого ряда факторов, лежащих как в области промышленности, так и сельского хозяйства.

Основным фактором, определяющим цены на сельскохозяйственные продукты во вторую половину 1922 года, является, безусловно, хороший урожай этого года. Как ни неточны статистические материалы о посевных площадях и валовой продукции сельского хозяйства, все исследователи, однако, сходятся в том, что валовой сбор почти доходит до трех миллиардов пудов.

В условиях почти изолированного государства, т.е. при отсутствии хлебного экспорта в сколько-нибудь широких размерах, это может не повести к сильному понижению цен (здесь проявляется известный закон Грегори Кинга (Gregory King)). Влияние урожая было резко усилено рядом других факторов, которые

¹ Богатый материал по провинции, подтверждающий наше положение, читатель найдет в статье Л. М. Ковальской «Падение ценности сел[ьско]хоз[яйственных] продуктов» (Экономический Бюллетень Конъюнктурного Института. 1923. № 1–2).

² Как известно, в марте-апреле промышленные изделия продавались весьма часто значительно ниже себестоимости; так, цена ситца № 6 из двухпудного миткаля (довольная цена 18 коп.) изменялась следующим образом (в тысячах советских рублей):

	Себестоимость	Объявленная цена синдиката	Цена, принятая рынком
25 марта	198	198	150(1)
24 апреля	380	240	200(1)
15 мая	610	375	290(!)

работали «на понижение» цен сельскохозяйственных продуктов. Влияние хорошего урожая на цены, безусловно, велико, но его не следует преувеличивать. Так, сезонное осеннее понижение хлебных цен в этом году по своим размерам не слишком уже отличалось от предшествующих годов. Если принять розничную цену ржаной муки 1-ой недели января за 100, то июльская цена составит 2014, августовская — 1901, сентябрьская — 1620; октябрь же и ноябрь дают новое крупное повышение: 2253 и 4372. Однако с ноября, когда действие сезонного фактора, судя по прошлым годам, резко ослабляется или даже отпадает, мы вдруг находим новое понижение хлебных цен, особенно заметное в столице и крупных городах. Уже не провинция, а столицы понижают цену хлеба, что видно из приводимой таблички.

Ржаная мука — индексы в тысячах (цены 1913 г. приняты за 1)

	20-го сентября 1922 г.	1-го ноября 1922 г.	10-го ноября 1922 г.	20-го ноября 1922 г.	1-го декабря 1922 г.	10 декабря 1922 г.	20-го декабря 1922 г.	1-го января 1923 г.
Столицы	9892	11617	13775	13550	12908	12292	12333	12542
Уездные города	8060	10776	13372	13240	14505	12379	15519	16391
Среднее по России	9266	11351	13344	13343	13685	13239	14256	15097

Всюду minimum приходится на 10—15 декабря, причем наиболее низкий уровень хлебных цен дают столицы. Это понижение касается, главным образом, ржи как основного продналогового продукта, и не замечается по отношению и к другим сельскохозяйственным продуктам, как-то: овсу, картофелю, маслу и т.д. Так, овес по столицам повышается с 20 октября по 1 января с 10,897 до 17,820; картофель — с 13,333 до 17,778, масло коровье — с 7,043 до 20,213, масло растительное — с 14,231 до 24,039.

Приведенные цифры указывают, что понижение цен (относительное и отчасти абсолютное) как-то связано с продналоговой операцией. Мука, собранная в нынешнем хозяйственном периоде в очень больших размерах, резко превышающих потребность всего городского населения (275 млн пуд.) — 415 млн ржаных единиц, различными путями попадает на рынки и снижает цены (массовый платеж по хлебному займу, прямое выбрасывание ржаной муки на рынки трестами и другими организациями, испытывающими нужду в оборотных средствах, и т.д.). Это давление сильнее в столицах и крупных индустриальных центрах, однако, оно чувствуется и в провинции (Пенза, продажи Пензолеса).

Срок платежа общегражданского и денежно подворного налога заставляет крестьян выбросить в декабре свой хлеб на рынок, а искусственно пониженная цена форсирует размеры необходимых продаж и тем вновь понижает цены.

Такова, по нашему мнению, природа необычного понижения хлебных цен в декабре-январе. Понижению цен на местах способствовало, конечно, также и частое повышение железнодорожных тарифов.

Москва, где цены были искусственно понижены выпуском на рынок продналогового хлеба и хлеба, закупленного Госбанком и кооперацией по пони-

женной цене, определяла собой среднюю русскую цену. Цена на местах в таких условиях определялась московской ценой за вычетом издержек транспорта (своеобразная «тюненовская» схема). Между тем, тарифы резко повышались. За 1922 год они изменялись семь раз, за полтора месяца 1923 года — уже три раза, причем процентное¹ отношение издержек транспорта к оптовой цене продукта на месте изменялось следующим образом.

**Изменение издержек транспорта ржаной муки за 1922—[192]3 гг.
от Саратова (Покровска) до Москвы (791 вер[ста]).**

	Оптовая цена ржаной муки (за 1 пуд.)	Тариф на 1 пуд.	Процентное отношение
1 июля 1913 г.	80—85 к[опеек]	16,92 к[опейки]	20
1 января 1917 г.	5 р. 20 к.	21,15 к.	4
1 июля 1920 г.	5000 р. — к.	11 р. 14 к.	0,2
15 августа 1921 г.	260000 р. — к.	4456 р. — к.	1,7
1 марта 1922 г.	—	44560 р. — к.	—
1 декабря 1922 г.	4200000 р. — к.	1230000 р. — к.	29,3
15 февраля 1923 г.	10000000 р. — к.	4940000 р. — к.	49,4

Спрашивается, по какой цене нужно продавать зерно на местах (излишков), чтобы оно могло быть продано в Москве и других крупных индустриальных центрах, где цена искусственно понижена вышеуказанными факторами отчасти рационального, отчасти стихийного порядка и, следовательно, дана, а не определяется издержками производства и доставки на предельных участках по Рикардианской схеме.

Вот те основные факторы, которые², по нашему мнению, неизбежно ведут к относительноному обесценению продуктов сельского хозяйства.

Однако не следует преувеличивать значения этого факта. Патологическое вовсе не в том, что цены на хлебные продукты повысились с сентября по декабрь в урожайный³ год только с 6,8 до 14,4 («Эконом[ический] Бюл[летень] Конъюнктурного Института. 1923. № 1—2. С. 8), или в 2,08 раза, тогда как в прошлый голодный год они повысились за тот же срок в 2,68 раза, а в том, что промышленные изделия, несмотря на облегчение продовольственного положения, повысились с 7,2 до 23,0⁴, или в 3,2 раза. Не относительное обесценение сел[ьско]хоз[яйственных] продуктов (на чем ставят ударение Л. М. Коваль-

¹ В оригинале: «%».

² В оригинале здесь и далее устаревшее: «кои».

³ Всем, конечно, известен факт значительного колебания хлебных цен и в довоенную эпоху. Так, средняя цена пшеницы за 1 пуд с 127 к[оп]. (в 1891 году) упала до 60 к[оп]. в 1893 и 52 к[оп]. — в 1894 г. По отдельным же районам и губерниям, несмотря на то, что межрайонные связи не были тогда так сильно порваны, как теперь, это падение доходило до 35—40 копеек.

⁴ В миллионах, по отношению к 1913 г., принятому за единицу.

ская и Н. Д. Кондратьев), а резкое относительное вздорожание промышленных изделий — вот что требует особого объяснения. И в пределах этой области нас не смущает¹ несоответствие современных соотношений с довоенными, принимаемыми за «норму». Хозяйственные нити, связывающие современность с довоенным периодом, — порваны, и это несоответствие еще не есть аномалия. Патологическое мы видим в той резкости и быстроте смещений, которые выходят из рамок «сезонного» объяснения и лежат в значительной степени в области промышленности и торговли, а также в области налоговой политики.

Итак, в области промышленности и торгово-промышленной политики существует ряд важных факторов, работающих на относительное «повышение» цен промышленных изделий.

Здесь мы, прежде всего, хотели бы «отвести» один сам по себе, конечно, важный фактор, значение которого, как нам кажется, в настоящих условиях весьма преувеличивают — я разумею сокращение продукции промышленности за годы революции. «Продукция промышленности, — говорят нередко, — сократилась в 5 раз, а продукция сельского хозяйства лишь в 2 (грубо) раза»; это, по мнению многих, и есть главная причина ценностного сдвига, наблюдающегося сейчас.

Это утверждение не находит подтверждения в фактах; до 1921 года продукция нашей промышленности стремительно падала и, несмотря на это резкое падение, цены на продукты промышленности также относительно падали, а цены сельскохозяйственных продуктов возрастали. Далее, с 1921 года продукция промышленности возростала в 1921 и 1922 году (особенно, текстильной), появились на рынке запасы прежних лет, искусно скрывавшиеся от него в период военного коммунизма и, параллельно с этим, цены на изделия стали возрастать. Таким образом, в фактах никакой обратной связи при динамическом изучении вопроса усмотреть нельзя. Конечно, новая экономическая политика и перевод на хозяйственный расчет многих предприятий содействовали повышению спроса, однако недостатка товаров не замечалось и не могло быть. В самом деле, не считая прошлых запасов, продукция готовых изделий крупной промышленности в 1922 году по исчислениям Ц. С. У. (П. И. Попова) измеряется в 700 млн золотых рублей, а ремесленной и кустарной — в 380–400 млн золотых рублей. Общий итог продукции готовых изделий за 1923 год равняется, таким образом, одному миллиарду ста миллионам золотых рублей, или около 20–22% довоенной продукции. Между тем, главные потребители — государство (железнодорожное и прочее строительство), затем земства и города (местное строительство) — почти отпали. Резко сократился спрос и со стороны промышленности (до единиц процентов довоенного спроса). Таким образом, основным покупателем осталась только деревня. По исчислениям того же Ц. С. У. (основанным на бюджетных исследованиях 1921 года) вся покупательно-платежная сила земледельческого населения (без голодавшего), за вычетом налогов и продналога, в частности, измерялась в 1921 году в 374 млн золотых рублей. Вряд ли она очень значительно повысилась в 1922 году (падение

¹ Поэтому не смущают нас и цифры абсолютного обесценения (по сравнению с довоенными годами) муки и зерна в «золотых» рублях, каковые исчисления вообще спорны.

цен на сельскохозяйственные продукты благодаря урожаю). Если таковую исчислять в 1922 году в 500 млн золотых рублей, то и в таком случае о недостатке говорить как будто не приходится. Если в некоторых частных областях рынка давление спроса и чувствуется, то общего превышения спроса над предложением, конечно, в данных условиях быть не может¹. Итак, основных причин повышения цен на промышленные изделия надо искать не столько в редкости промышленных изделий, сколько в условиях их производства.

По только что указанным соображениям мы не считаем монопольный характер наших трестов ответственным за происшедшее вздорожание. Формально цена наших трестов, конечно, монопольная, но по существу вряд ли можно говорить об экономическом господстве наших трестов над рынком при ограниченности спроса (низкая покупательная способность населения), при наличии конкуренции со стороны мелкой промышленности и торговли, основанной на прежних запасах, и в значительной мере на контрабандных поступлениях из-за границы (в последнее время, впрочем, «польская» ситцевая контрабанда проникает в очень ограниченных размерах благодаря строгости надзора). Лишь в небольшие промежутки времени (сезонное осеннее оживление) цены трестов довольно значительно превышают цену себестоимости, для большей же части года это превышение невелико, нередко даже выражается отрицательной величиной (см. приведенные выше примеры цен текстильного синдиката). Если считать калькуляции, сообщаемые в В.С.Н.Х. трестами, преувеличенными и подлежащими с этой стороны серьезной критике, то факт очень высокой себестоимости и постоянного ее нарастания, несмотря на улучшение и удешевление продовольствия рабочих в связи с урожаем, представляется нам все же неоспоримым. Так, например, себестоимость ситца № 6 с 625000 руб. за аршин (15 апр[еля] 1922 г.) повышается до 1520000 руб. — 10 октября, и до 4 000 000 — 1 декабря. Та же самая картина и в других областях производства.

Эта повышенная себестоимость объясняется, прежде всего, сильным повышением цен на промышленное сырье (хлопок, лен, шерсть, кожа) в связи с исчерпанием запасов этого сырья и чрезвычайно низкой нормой его годичной продукции; затем, не менее сильным вздорожанием топлива, наконец, резким возрастанием накладных расходов, как то: высокие налоги, резко повышенный железнодорожный тариф, страховые сборы, «шефство», содержание неработающих предприятий. Насколько велико значение этого последнего фактора (накладные расходы), видно из рассмотрения последних калькуляций наших синдикатов. Так, в 1922 году по сравнению с 1913 годом накладные расходы повышаются в производстве спичек с 27,3% к общим расходам до 42%, в производстве галош — с 10,9% до 43,8%, сельскохозяйственных машин — с 30,5% до 47,0%, пряжи № 14 — с 10,5% до 39%, стекла посудного — с 11,0% до 42,2%, подошвы кожаной — с 13,5% до 24,0%.

¹ Только что высказанное положение находит себе подтверждение в отчете Всероссийского Текстильного синдиката, согласно которому общая сумма проданного за месяц товара (тканей) составляет в октябре-декабре 1922 г. всего 36–40% месячной выработки.

Фактором, удорожающим розничные цены, особенно на местах, является также общеизвестное тяжелое обложение торговли (общегосударственные и, особенно, местные налоги) при отсутствии сколько-нибудь широко и правильно поставленного торгового кредита. Слабое развитие торговли, несмотря на внешнее впечатление, что «все торгуют», приводит к тому, что еще до сих пор товар не доходит до потребителя¹ или достигает его по чрезвычайно дорогой цене (20—25 млн руб. — аршин ситца).

Вот те основные факторы, которыми вызвано происшедшее ценностное смещение 1922 года. Как мы отмечали, в этом явлении есть и здоровые черты, — следствие работы нормальных экономических факторов, развитию которой вряд ли следует препятствовать. Однако в этом явлении и много патологического, с чем следует энергично бороться. Правда, с половины февраля под влиянием «сезонных» факторов (истощение запасов, подготовка к посевной кампании и т.д.), несомненно, начнется некоторое новое смещение соотношений в пользу сел[ьско]хоз[яйственных] продуктов. Однако таковым, как явлением временным, обольщаться не приходится и дальнейшая борьба неизбежна. Детальное обсуждение мероприятий, пригодных для этой цели, выходит из рамок настоящей статьи. Здесь мы хотели бы лишь вкратце наметить те пути, по которым эти мероприятия должны быть направлены, и что, по нашему мнению, вытекает из предыдущего анализа.

В области промышленности основной мерой мы считаем понижение себестоимости производства путем рационализации такового на основе реального хозяйственного расчета (т.е. отказ от всего убыточного), путем сокращения накладных расходов, наконец, путем приближения продуктов промышленности к нуждающемуся провинциальному населению (организация торговли и торгового кредита).

Мероприятия в области сельского хозяйства должны быть направлены на увеличение спроса на зерно и сокращение его предложения. Увеличение спроса может быть достигнуто лишь открытием доступа русскому хлебу за границу. Сравнительно высокие цены на хлеб на мировом рынке создают пока благоприятную ситуацию для нашего хлеба. Сокращение предложения зерна деревней может быть достигнуто путем рационализации обложения деревни в отношении размеров, форм и способов взимания².

¹ Ср., напр[имер]: Торговая Промышленная Газета (от 13 февраля 1923): «Розничная торговля в Сибири», и статья Шпиндлера «О розничной торговле в Сибири», где указывается, что «за 60—80 верст от железной дороги мы совершенно не видим торговли». Отмеченное явление не есть чисто местное сибирское явление. Недавний Съезд Биржевой Торговли отмечает это как повсеместное явление (Бюлл[юте]нь Всероссийских Текстильн[ых] Синдикатов. 1923. № 4).

² Далее на с. 9—11 оригинала располагаются справочные материалы.